

С. РАФАЛОВИЧ

Анна Ахматова

Поэт, замкнувшийся в узкий круг интимных переживаний, — так принято говорить об Ахматовой, так недавно отозвался о ней автор рецензии, посвященной в одном из тифлисских сборников книжке стихов талантливой местной поэтессы, по поводу которых были упомянуты стихи Анны Ахматовой.

Что так относятся к ней многочисленные ее читатели и читательницы, она сама давно уже знает и не без горькой иронии говорила о том, что своеобразная любовная лирика «Вечера» и «Четок» пришлась по душе «влюбленным гимназисткам». Поэтому она не рассчитывала на успех последнего своего сборника «Белой Стаи», поступившего в продажу в октябре прошлого года.

От «Вечера» до «Белой Стаи» Ахматова действительно прошла длинный путь развития, направление и достижения которого она как будто предугадывала, — когда зарю своего творчества назвала вечерней зарей.

От вечерних сумерек до сумерек рассветных протянулись нити, которые привели ее к художественной законченности формы и мудрой отточенности мысли и чувства, окрашенных и окрыленных такими настроениями, что она, поистине, имела право назвать свои последние стихи «Белой Стаей»:

Все тебе: и молитва дневная...
И стихов моих белая стая...

Она, как поэт, — никогда не была молода. Своеобразная горькая гримаса была в ее чертах отражением душевного излома и передавалась стихами в виде особого ритма, творимого перебивающимися размерами. Та же беспокойная и, в сущности, тяжелая ужимка сквозь ей одной свойственное сочетание образов, сквозь особый прием пользования окружающим, который

так характерен для нее и сразу придал острую индивидуальность ее первым неумелым опытам.

Про Ахматову теперешнюю, далеко ушедшую от той, которая читала свои первые стихи Вячеславу Иванову в его знаменитой «башне», когда ее муж, поэт Гумилев, еще не признавал ее поэтического дара, про Ахматову «Белой Стаи» можно сказать, что она не изменила прежней, не порвала ни одной из нитей, протянутых тою из души к миру, и как редкое исключение среди поэтов, развивающихся и зреющих в своем творчестве, осталась необычайно собою, поразительно подобной сама себе и в то же время изумительно выросла на наших глазах.

В этом и кроется разгадка того, что ее, с одной стороны, можно называть поэтом, замкнувшимся в узком кругу интимных переживаний, что ее стихи пришлись по вкусу «влюбленным гимназисткам», и что, с другой стороны, самые утонченные и требовательные знатоки и любители поэзии, самые вдумчивые и культурные из современных наших ученых и критиков с таким изоцренным вниманием приглядываются к ней, с такой напряженной чуткостью вслушиваются в ее стихи и все увереннее утверждают наличие в них «большого стиля», а ее как большого художника слова.

Узкий круг и большой стиль — возможно ли такое сочетание? А если возможно, то не в смысле ли наполеоновского отзыва о знаменитом в его время опереточном артисте: *il est grand dans son genre, mais son genre est petit?** Но этот отзыв был умалением, а не возвеличением артиста и с ним никак уже не согласятся, если его применить к Ахматовой, самые ревностные и осмысленные ее почитатели. И они будут правы.

Если перелистать последний ее сборник, «Белую Стаю», не говоря уже о предыдущих двух, то нельзя не заметить, что за несколькими исключениями, такими немногочисленными, что они просто не идут в счет, все стихотворения чисто личного свойства, говорят о поэте и его личных переживаниях, к тому же почти сплошь любовных. И это поражает тем более, что во многих стихотворениях на первом плане как будто находятся краткие, но меткие и четкие описания природы, часов дня, времен года, деревни, города, дома, и не каких-нибудь вообще, а всегда определенных: тверских полей, Павловского парка, Бахчисарая, Петербурга.

В особенности Петербурга, которому посвящено столько стихотворений во всех трех сборниках. В списке безымянных, но

* Он велик в своем жанре, но сам его жанр невелик (фр.).

всегда определенных и реальных объектов любовной лирики Ахматовой Петербург, конечно, занимает видное место, может быть даже, наиболее видное и незыблемое.

Но описывает ли она Неву с ее набережной, дворцами, мостами, Царскосельскую статую, осеннюю распутицу в тверской усадьбе, или Бахчисарай, она всегда говорит о себе, исходит из определенного эпизода личной жизни и своих настроений и дум в данный момент.

Вновь подарен мне дремотой <...>

В этом недавнем ее стихотворении (1916-й год) особенно наглядны и первоначальные черты ахматовской манеры, и прежде чуждые ей полнозвучность и законченность.

Чтобы оттенить и то и другое, я тут же приведу стихотворение из того же сборника, но тесно примыкающее к ранее изданным:

9 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА

Самые темные дни в году
Светлыми стать должны.
Я для сравнения слов не найду —
Так твои губы нежны.
Только глаза подымать не смей,
Жизнь мою храня.
Первых фиалок они светлей,
А смертельные для меня.
Вот поняла, что не надо слов.
Оснеженные ветки легки.
Сети уже разостлал птицелов
На берегу реки.

Предметами, природой, погодой пользуются все поэты и в любовной лирике. Но не только для большинства, а решительно для всех это только фон, более или менее удачно выбранный, — обстановка, более или менее гармонирующая с личными мотивами, более или менее тесно с ней связанная.

У Ахматовой совсем не то. Ни о какой гармонии, связанности, согласованности не приходится говорить. Описания и личные переживания для нее просто — одно — и не только одно в ее восприятии и ощущении, но одно и в ее художественной передаче. Если бы можно было себе представить такую пьесу, где обстановка, декорации, бутафория были бы самыми настоящими действующими лицами, совершенно равноправными людям, изображенным в ней, то она точнейшим образом соответствовала бы ахматовским стихотворениям.

Одинаково остро ее восприятие себя самой и окружающего ее, и никакой разницы нет для нее между тем и другим. Как будто необычайная изощренность ее совершенно равномерно распределена между всеми органами восприятия и ощущения, скажем, вкусовые неотделимы от зрительных и слуховых, или от тех, которые мне приходится обозначить как ощущения душевные, за неимением готового термина для них.

Бодлеровский сонет о соответствиях свое полнейшее и совершеннейшее воплощение нашел в ней.

И поэтому никогда нет в ее стихах подчиненности одной темы другой — описания лирике или лирики описанию — но обе темы неотделимы, неразграничиваемы и абсолютно равноценны и по существу, и по художественной изобразительности, к ним примененной.

В основе это вполне так даже в первых ее опытах. Но там это скорее намечается как возможность, как общая тенденция, или, впервые, как манера, еще не поддержанная настоящим мастерством.

Последнее приобретается ею чрезвычайно быстро, причем совершенствование идет по двум путям: технического и духовного преодоления.

И опять-таки, оба у Ахматовой на редкость совпадают, до того, что не только кажутся, а прямо-таки становятся одним путем.

Эта характерная особенность Ахматовой привела к тому, что даже узкий круг ее первоначальных чисто любовных мотивов, — к тому же всегда имевших определенный объект, — странным образом расширялся за пределы обычной любовной лирики. Но внешняя замкнутость ахматовской поэзии, ограниченный ее диапазон, в смысле выбора и трактовки тем, превращается, благодаря исключительным свойствам ее дарования, в нечто беспредельное еще в другом отношении. Великое велико, если уметь увидеть и разглядеть его непосредственно. Но не менее велико оно, если в малом отражении уловить его суть. И только в таком смысле бывает личность адекватна божеству, миг — вечности и каждый уголок земли — вселенной.

Тайна вечных и вещей соответствий нашла себе в ахматовской поэзии живое и художественное воплощение. Но помимо этого самый размер ее таланта и вся она, как определенная индивидуальность, сделали возможным чудо претворения малого в великое и привели ее от влюбленностей к познанию большой любви, от того или другого случайного встречного к человеку, от родной деревни или родного города — к России. И

в этом не обобщении и отвлечении, что было бы процессом логическим, интеллектуальным и по существу чуждым ей, как прием творчества и способ переживания, — а углублении душевных эмоций ее первоначальная, детская, обычная, поверхностная и всегда немного формальная вера стала истинной религиозностью, объединившей по-новому и мир и душу, любовь к любимому с любовью к России.

По-прежнему неотделимы, равноправны, равноценны темы, встречающиеся в отдельных стихотворениях, и неизменной осталась ахматовская манера. Но полновозвучнее и законченнее стала ее художественная речь и плавнее. Прежняя горькая гримаса расправилась в просветленной и примиренной скорби, и угловатая ужимка округлилась в иератических движениях торжественных служений.

Все стало новым, хотя все осталось по-прежнему. Опять находим мы, при беглом взгляде на новый сборник, как находили в первых двух, личные переживания поэта в центре тем, на сей раз зачастую мировых, но воспринимаемых не в ином масштабе, чем темы самой обычной будничной жизни. И значительность, которую они приобретают, ни в какой мере не зависит от их самоценности, а исключительно от личной и художественной зрелости поэта.

Касается ли Ахматова России или мировой войны, она это делает, не изменяя прежним своим приемам. И только изредка сила и глубина чувства стирают какую-то последнюю грань между я и не я, и уже не два переживания становятся для нее одним, как обычно, а есть поистине только одно, уже не двуединое, а просто единое в своем трагическом пафосе.

Молитва

Дай мне горькие годы недуга,
 Задыханья, бессонницу, жар,
 Отыми и ребенка и друга,
 И таинственный песенный дар.
 Так молюсь за Твоей литургией
 После стольких томительных дней,
 Чтобы туча над темной Россией
 Стала облаком в славе лучей.

Если из предшествовавших общих и кратких указаний можно составить понятие о художественной мысли и речи Ахматовой в процессе их развития, то об эволюции, пережитой ею как человеком, поскольку она нашла отражение в ее творчестве, почти ничего мне прибавить не придется. Сборники Ахматовой

всегда в высшей степени автобиографичны. И если ответа на вопросы, диктуемые нескромным любопытством, они не дают, то сущность переживаний и мировоззрений автора раскрывают с беспощадной искренностью. Стоит взять любое стихотворение «Вечера» и «Четок» и сравнить его со следующими стихотворениями из «Белой Стаи», чтобы сразу увидеть с необычайной отчетливостью облики прежней и нынешней Ахматовой.

Широк и желт вечерний свет,
 Нежна апрельская прохлада.
 Ты опоздал на десять лет,
 Но все-таки тебе я рада.
 Сюда ко мне поближе сядь,
 Глади веселыми глазами —
 Вот эта синяя тетрадь
 С моими детскими стихами.
 Прости, что я жила скорбя,
 И солнцу радовалась мало.
 Прости, прости, что за тебя
 Я слишком многих принимала.

* * *

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
 Очертанья столицы во мгле.
 Сочинил же какой-то бездельник,
 Что бывает любовь на земле.
 И от лени или со скуки
 Все поверили, так и живут,
 Ждут свиданья, боятся разлуки
 И любовные песни поют.
 Но иным открывается тайна
 И почиет на них тишина...
 Я на это наткнулась случайно
 И с тех пор все как будто больна.

Я сказал в начале этой статьи, что Ахматова как поэт никогда не была молода. Я могу закончить статью утверждением, что как человек Ахматова никогда не была счастлива.

Лирик по природе своего дарования, центр тяжести и жизни и творчества с первых же шагов нашедшая в любви, Ахматова — если судить по трем ее книгам — не только никогда не была счастлива, но пережила настоящую трагедию, которая вещает о себе чуть ли не с каждой страницы «Белой Стаи». Не внешние обстоятельства, не случайности жизненные, не неудачные любовные опыты или несбывшаяся встреча с тем, кто роком предназначен, создали эту трагедию. Все это может выз-

вать только драму. Трагедия — неизбежность, неизбывность, роковая вина невинной души. Всякий способен пережить драму. Трагедия бывает уделом только крупной личности. И не спасут от нее ни «таинственный песенный дар», ни слава, ни красота, ни любовь — безответная или взаимная — все равно. Нельзя спастись от трагедии, можно только очиститься ею.

И, несомненно, поняла это Ахматова, ибо назвала свою книгу «Белой Стаей» и заканчивает ее стихотворением, которое действительно звучит не завершающим, но разрешающим трагическим аккордом.

Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой,
Смотрю взволнованно на темные палаты?
Уже привыкшая к высоким чистым звонам,
Уже судимая не по земным законам,
Я как преступница, еще влекусь туда,
На место казни долгой и стыда,
И вижу дивный град и слышу голос милый,
Как будто нет еще таинственной могилы,
Где день и ночь, склонясь в жары и холода,
Должна я ожидать Последнего суда.

